Все о мире Ехо и немного больше. Чашка Фрая

Автор:
Макс Фрай

Все о мире Ехо и немного больше. Чашка Фрая

Александр Шуйский

Макс Фрай

Эта книга – проект искусствоведа, художника и писателя Александра Шуйского. Она представляет собой 33 интервью с Максом Фраем, сделанные на протяжении трех лет. Вопросы задавал не только автор, но и читатели книг Макса Фрая и блога Александра Шуйского; благодаря им, разговор вышел за рамки диалога. Формально каждая глава посвящена одной книге, фактически – всему на свете и некоторым другим интересным вещам.

Макс Фрай, Александр

Все о мире Ехо и немного больше. Чашка Фрая

О том, как появилась эта книга.

Она возникла из двух вещей: из разговоров и «подвешенных» книг в магазине электронных книг.

Что такое «подвешенная» книга?

На сайте электронных книг Макса Фрая есть страница, которая называется «чашка Фрая»[1 - Примечание МФ: «Чашка Фрая» появилась у нас благодаря подсказке читательницы Марины Поляковой, спасибо ей за эту идею.]. Любой человек может зайти на сайт и оплатить одну или несколько электронных книг – чтобы кто-то другой, у кого нет денег или возможности платить онлайн, мог унести с сайта книжку из списка «чашки». По этому же принципу в некоторых кафе «подвешивается» чашка кофе – чтобы ее выпил кто-нибудь еще, кто угодно, зашедший с улицы.

О каждой из этих книг можно было бы отлично поговорить, подумал я, когда первый раз смотрел раздел «чашка Фрая». А потом подумал: а почему бы и нет.

Тогда я написал названия всех книг списка «чашки» на полосках бумаги, а полоски положил в шляпу. Их оказалось тридцать три («Энциклопедию мифов» и «Первую и Вторую линии» я беру вместе, потому что было бы смешно сначала рассказывать о втором томе, а потом, полгода спустя, о первом). И в течение трех лет время от времени мы с автором вели разговоры, каждый разговор – вокруг одной из тридцати трех книг. Одновременно в своем блоге я получал от читателей вопросы к объявленной книге – и здесь хочу поблагодарить всех, кто их задавал. Некоторые вопросы пришлось перефразировать, на некоторые – отвечать не по одному разу или отвечать частями. Когда вопросов не подбиралось или когда у нас бывала тема для разговора вроде о книжке, а вроде и не совсем о ней, я задавал вопросы сам.

Вот так и получились наши разговоры.

Чаще всего мы говорили через экран, но несколько записей осталось после встреч живьем, и каждый раз как нарочно: к примеру, глава по «Ключу из желтого металла» писалась в Праге, основном месте действия книги, а глава «Темная сторона» – в Венеции, и, кажется, как раз после этого приключения стало понятно, что «Чашка Фрая» уже пишет себя сама. К этим разговорам я дописывал собственные соображения, иногда о книге, иногда – почти что о королях и капусте, как это уже принято в книжных беседах. Тридцать три книги и три года. Ну как тут не выловить золотую рыбку. По-моему, нам удалось.

Чашка первая

«Горе господина Гро»

Я не буду говорить о всей книжке, а только о двух центральных парах, двух родителях, очень разных во всем и очень похожих в одном: они оба сделали своих детей не по любви.

Один – в бесконечном нарциссизме, а второй – в бесконечном горе.

То и другое у нормальных людей объединяет непрожитая травма, и, в общем, как все нормальные люди, ни Хумха, ни Габа не смогли с нею справиться самостоятельно. Хумха Йох – чуть ли не образец родителя-нарцисса, но его нарциссический склад личности проявился, как я понимаю, задолго до рождения сына. Габа Гро, лекарь, потерявший любимую жену, – человек, настолько далекий от эгоизма, насколько возможно, – превращается в нарцисса, слепого, глухого, ничего не желающего знать об истинном положении дел, – когда позволяет своему горю занять все имеющееся пространство.

Про Хумху можно сказать, что он позволяет то же самое своему безумию. И, по-моему, это для колдуна совершенно равно горю.

Что делает горе? Оно ищет кого-то, кто взял бы на ручки. И родитель-нарцисс (оба родителя в этой книге) «создает» себе ребенка, предполагая (в слепоте горя или безумия, а в обычном человеческом случае – просто травмы), что они с этим ребенком будут чем-то вроде сферического коня в вакууме – никаких вмешательств извне, никаких влияний, никаких действий наружу. Родитель создаст ребенка, тот будет его вечным утешением. Он никуда от родителя не денется – внешнего мира не существует, куда ему деваться.

Казалось бы, если так сильно болит, что тебе нужно постоянное болеутоляющее – попробуй вылечиться. Обратись к кому-то.

Но, во-первых, внешнего мира не существует, во-вторых – он враждебен.

И будь ты детский врач или один из самых могущественных колдунов Мира – исход один и тот же, сидеть тебе в своем горе или безумии, пока не умрешь или не случится что-то, что выбьет тебя из кокона.

(В случае с Хумхой даже смерть не очень-то повлияла.)

И вот, в бесконечном своем горестном одиночестве, родитель делает себе ребенка. Чтобы взял на ручки. Чтобы утешал. Чтобы быть не одному в этом коконе горя или безумия.

А ребенок, эгоистичная и своевольная тварь, прежде всего хочет на ручки сам. Особенно, пока мал. Да и вырастая, тоже как-то сохраняет собственные желания.

И что делает Габа? (Который в испытывании горя оказался колдун покруче, чем даже Хумха, того на такой абсолют все-таки не хватило, локальный и страшный талант у человека.) Он делает дитя, которое никогда не вырастет, не подвержено влиянию внешнего мира почти совсем и которое ничего не хочет. Кроме одного – чтобы кто-то взял на ручки ее саму.

А выпущенное на свет горе немедленно начинает занимать все отведенное ему пространство, то есть столько, сколько может. Никаких ограничений на него Габа не наложил. Все, что ему было нужно – чтобы полегчало и не возвращалось больше. Он остается слеп и глух к тому, что замечает уже весь город, и, скорее всего, если бы не вмешательство Джуффина, так бы и остался слеп и глух.

Он порождает на свет ущербное существо с единственной функцией: возьми меня на ручки. Так, как делают все травмированные родители. После чего это существо отправляется на поиски того, кто взял бы на ручки его. А поскольку в окружении таких не находится, порождает свое. А то – свое. Так появляются травматики. Жуткая штука на самом деле.

Кофе, сыну Хумхи, повезло в том, что, во-первых, был все-таки человек, а во-вторых – быстро сбежал. Если бы его папе пришла в голову идея слепить себе сына-голема, еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

Но все схожие признаки налицо. Информация из внешнего мира не поступает или поступает в искаженном виде (его причитания по поводу карьеры и занятий

сына), масса усилий тратится на то, чтобы устранить из общего с ребенком пространства как можно больше народу (будь его воля, Хумха бы всех разогнал, другое дело, что у призраков не так велики возможности, но припомните-ка, какими словами описывает любая мама-нарцисс подруг или приятелей своего ребенка, если ей хоть на минуту кажется, что они ребенку ценнее, чем она сама).

И никакая личная сила не спасает.

Вот так выглядит ад в чистом виде, ничем не контролируемый и не сдерживаемый – бери на ручки, дрянь, и заткнись.

И он тоже занимает все отведенное ему пространство, если ничего не делать.

Ну и на сладкое, то, что меня страшно развеселило в свое время – каждая книжка цикла все-таки игра, хоть и очень всерьез, и в каждой есть чисто игровые перевертыши. Вы никогда не задумывались, кто такой Абилат Парас, лучший лекарь всех времен и народов?

Айболит Парацельс.

А теперь вопросы к Максу Фраю.

Вопрос читателя: Мне бы хотелось узнать, почему Коба. Вот просто – почему он такой, явный диктатор, существует в книгах любимого мною автора, очень бережно относящегося к жизни. Но автор неоднократно говорил, что он вообще-то писатель-документалист, вообще ничего не придумывает – так что примем за рабочую гипотезу, что настоящий диктатор существует в Ехо, неплохо себя чувствует и дружит с королем. Это меня несколько смущает, но это тоже не вопрос. Нельзя же спрашивать: «А вот меня тут смущает – что мне с этим делать?»

М.Ф.:На самом деле формулировка: «А вот меня тут смущает – что мне с этим делать?» – практически идеальная. Потому что, да, совершенно верно, проблема всегда с нами, с нашим восприятием, с нашими интерпретациями. А не с кем-то (чем-то) снаружи, которое просто есть – вот такое, какое есть.

Идеальный ответ на этот идеальный вопрос – жить с этим. Это вообще нормально для человека – жить с противоречиями, неувязками, тем, что не укладывается в голове, бесит и обманывает ожидания. Мы на этих тренажерах накачиваем себе красивые сознания с рельефными мышцами духа. Ну или зарабатываем грыжи. Кто как. Это, собственно, и есть жизнь сознания, угасания которого так боится почти все человечество, включая истово верующих. Хотя бы поэтому имеет смысл наслаждаться всеми камнями, которые лежат у нас на душе, косвенно доказывая ее (души) существование.

…Что же касается Кобы.

Вообще-то, диктаторы как таковые кажутся мне скорее трагическими фигурами, чем «нехорошими бяками». На месте диктатора мне всегда видится вполне заурядный человек, попавший в капкан власти и безнаказанности – ну и понеслась душа в ад. Или еще куда подальше. В школе, классе, кажется, во втором или третьем, учительница дала нескольким отличникам проверять тетрадки с домашним заданием остальных учеников. И я очень хорошо помню, как мы дружно исчеркали все красными карандашами и понаставили двоек там, где работа была сделана на четверку. С тех пор я довольно много знаю о природе диктатуры и бесконечно радуюсь, что большей власти мне никто никогда не предлагал.

Впрочем, допускаю, что некоторые диктаторы и тираны так прям и рождаются нечеловеческими исчадиями ада с выпученными от злобы глазами и сотонинским клеймом во лбу. Но все равно их злодейское величие меркнет перед ежедневным подвигом так называемых простых людей, строчащих анонимки на соседей по коммуналке ради возможного освобождения комнаты, аккуратно подвергающих подследственных пыткам в рабочее время с перерывом на обед и так далее. Тирания всегда опирается на массовую подлость в гораздо большей степени, чем на личность тирана. Строго говоря, только на нее. В обществе, где все люди не способны вести себя подло, пресловутая диктатура/тирания станет всего лишь одним из способов управления государством, со своими достоинствами и недостатками. Лично мне такой способ управления не нравится – ну так мне вообще ничего из

придуманного людьми не нравится, кроме анархии, до которой уважаемое человечество пока, увы, не доросло.

В общем, лично меня тайное родство Кобы с каким бы то ни было тираном, если что, совершенно не шокировало бы. Потому, хотя бы, что мы с вами понятия не имеем, чем сейчас занят тайный, неизреченный и немыслимый двойник читателя, задавшего вопрос. Не факт, что у автора вопроса такой двойник непременно есть, но он вполне может быть. Никогда заранее не знаешь, в каком измерении у тебя тайный близнец внезапно отрос! И этот самый двойник автора письма вполне может вот прямо сейчас пожирать живьем беззащитных невинных геологов, забравшихся в какое-нибудь запретное подземелье под Третьей Горой Ихилосс, на Седьмом Арль-пути, в Гийярде. Например.

Мы не ответственны за поведение своих тайных неизреченных двойников, о которых и вспоминаем-то только в некоторых снах и забываем задолго до пробуждения, вот что я хочу сказать.

Вопрос читателя: Макс затащил Кофу в другой мир, соответственно, Кофа получил возможность путешествовать по мирам, видеть сны и уходить на Темную сторону. Но Джуффин как-то говорил, что на таком вот «человеке Мира» держался Тайный Сыск, что он – что-то вроде опоры Сыска.

И как они теперь без опоры? (Понятное дело, что справятся, это Тайный Сыск, для них все возможно, но все же как?)

М.Ф.:Ну, ровно так же, как сегодня справляется без таблеток от запора человек, который по рекомендации врача принимал их курс восемь (например) лет назад и благополучно вылечился. Как справляется без материнского молока пятнадцатилетний подросток. Как справляется без присмотра воспитательницы детского сада сорокалетняя мать семейства.

Я хочу сказать, все меняется. Любая живая система нестабильна. Правила, которые работали вчера, будут только мешать и связывать по рукам и ногам сегодня. Изменения – это не из ряда вон выходящее событие, это нормально, это просто жизнь.

Вопрос читателя: Как сэр Кофа смог попасть на посиделки в «Кофейную гущу»? Насколько я помню, он единственный из всей команды, кто не мог гулять по Темной стороне, ибо он человек иной природы, более «земной», скажем так. Как ему удалось преодолеть себя?

М.Ф.:На основании всего, что Кофа успел рассказать о себе, я, честно говоря, подозреваю, что Кофина «земная природа», т. е. почти полная неспособность к Истинной магии – следствие ворожбы его заботливого отца. А на любое колдовство найдется способ его отменить.

Кроме всего, не следует упускать из вида, что в этой истории замешан сэр Макс, а он – такой специальный полезный хитровыкрученный ноль, который может прийти к любому нормальному солидному числу и как-то почти нечаянно его на себя поделить. И делятся как миленькие, и результат всегда один – бесконечность (возможностей).

Чашка вторая

«Одна и та же книга»

О снах, жизни и литературе

В этот раз я хочу поговорить о литературе, осознанном сновидении и – повседневной жизни.

Итак, одна и та же книга.

И начну я прямо с того же, с чего начинается сборник.

Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги.

Шопенгауэр

(Здесь, как в той самой шутке про «чтобы тайна, секс и монаршая особа» присутствуют все три составляющие разговора: книга, жизнь и сновидения.)

А вот еще одна цитата:

Литература всегда казалась мне своего рода разновидностью сна (пожалуй, единственной легкоуправляемой разновидностью). Чтение – искусство сновидения для ленивых; писательство, по большому счету – тем более.

Макс Фрай

И третья, из самого первого рассказа сборника:

Всякий город – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Если вооружиться всеми тремя, то самое интересное начинается, если подставить в третью вместо слова «город» последовательно «сон», «книга» или «жизнь».

Причем правдивость никак не пострадает.

Смотрите:

Всякий сон – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая книга – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая жизнь – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Правда, в каждом из трех вариантов слушатели, скорее всего, будут оспаривать разное. В первом случае – будут спорить с «мало кто замечает», во втором – со словом «всякая»: есть книги интересные и не очень, – а в третьем, я думаю,

пожмут плечами и скажут «может быть, чья-то, но не моя».

А теперь я скажу очевидное, но иногда нужно говорить и очевидное.

Практически все книги Макса Фрая – это пособие по овладению осознанным сновидением и превращению повседневной реальности в таковое. То есть превращению «не таинственного и не удивительного» и «чужого» – в мало того, что таинственное и удивительное, но, и это самое важное, – в свое.

Причем рецепты повторяются из книги в книгу, из рассказа в рассказ: приведи в порядок свои сны, будет проще с жизнью. Хочешь что-то поменять – съешь или выпей что-нибудь, это, конечно, принцип Алисы, но ведь «Вниз по кроличьей норе» – это именно рассказанный сон.

И вот более точная инструкция: хочешь поменять не просто что-то, а с одного конкретного на другое конкретное – заведи ритуал.

И описанных ритуалов на перемены – более чем достаточно, практически на все случаи жизни.

…Существует множество практик работы со снами и их символикой, и те, кто умеет читать символику, часто пользуются снами – как ответами на вопросы, например.

Скажем, мучает вас какая-то ситуация, не можете вы решить, что делать, не можете даже понять, как к ней относитесь и чего хотите – можно тщательно сформулировать вопрос к собственному подсознанию и получить на него ответ в виде сна.

А есть совсем прекрасная штука: осознанное сновидение. Это не означает, что все сны, которые вы видите, должны быть непременно осознанными. Скорее уж, лучше, чтобы далеко не все. Но вопрос, заданный в осознанном сновидении, получает самый точный ответ, инструкции – ясны и четки, и если им следовать наяву, результаты иногда просто поражают. В собственном сне вы всемогущи, и если вы осознаете, что спите, то ваши действия превращаются в тот самый

совершенный и единственный жест, который приносит совершенный результат.

Что-то вроде того состояния, которое получают герои Роулинг, напившись зелья удачи.

(Можно сказать, что именно в осознанном сновидении пребывает сэр Макс, выходя на Темную сторону. Но это так, к слову.)

Так вот, в практике осознанного сновидения есть одно хорошее упражнение.

Чтобы вспомнить, что спишь – а с этого все начинается, – можно поставить в сознании «якорь». Это могут быть несовместимые с реальным положением дел события или явления, а может быть – некий предмет или набор действий. Причем желательно, чтобы это были очень простые, повседневные действия. Очень свои. Выпить чашку кофе. Скрутить сигарету из душистого табака.

Тело производит привычное действие, а разум, в котором установлена «зацепка», проводит быструю инвентаризацию: это я, я пью кофе, я стабилен, окружение – пластично. Ура, это сон, пойду-ка я погуляю.

Так вот.

Эти якоря действуют в реальной реальности совершенно тем же способом.

Ритуал, «привязанный» к определенному состоянию, возвращает в это состояние из любого морока, из любой невнятицы, на том же принципе построены все толковые инструкции для действий при чрезвычайных обстоятельствах.

И множество героев множества рассказов в сборнике «Одна и та же книга» учатся создавать такие ритуалы – и смотрят, как меняется мир, если самому оставаться в стабильности и не утрачивать любопытство.

А когда научаешься сохранять стабильность (да, в общем, прежде всего, самого себя), то очень быстро обнаруживаешь, насколько пластичен мир. Насколько, если как следует держаться за якорь, равномерны и разнообразны его потоки, как легко образ или слово обрастают плотью.

Насколько совершенен может быть каждый жест.

Это действительно одна и та же книга. Более того, это своя книга.

Совершенно конкретного авторства.

После чего вполне можно сказать и наяву:

«А пойду-ка я погуляю».

И ответы на вопросы:

Вопрос читателя: В рассказе «Sweet plum» помогает «вспомнить все» сливовый табак. Вот эта тема – она очень страшная и очень манящая, понимаешь, что лучше бы подальше от нее, но влечет неудержимо. У меня даже словами толково спросить вряд ли получится. Мне кажется, это самое страшное – забыть настоящее. Какие есть способы защиты от такого забвения? Мне очень нравится, когда этими способами выступают вот такие конкретные детали, а не умозрительные сферы, которые поди руками потрогай. Сливовый табак, например. Как и почему что-то становится таким якорем? И можно ли их специально, сознательно расставлять, чтобы всегда находить дорогу обратно?

М.Ф.:Очень сложный вопрос. В том же смысле сложный, в каком торт «Наполеон» – очень много слоев, очень много ответов.

Начать придется с того, что вы задаете этот вопрос человеку, отдающему себе отчет, что нет никаких гарантий и никаких доказательств, что сегодня я – та же самая личность, которая легла спать вчера. И что реальность вокруг та же самая, никакой уверенности у меня тоже нет.

То есть я, конечно, не думаю, будто моя жизнь – непрерывная череда бессвязных галлюцинаций, отягченных приступами ложной памяти. Но допускаю (среди многих других версий), что вполне может быть и так. Почему нет.

Единственная ценность, которая может быть у человека с подобным подходом к делу – это, конечно, сознание. Вот та самая штука, которая воспринимает и осознает информацию, данную мне в ощущениях и прочих раздражителях – она, безусловно, есть. И она – не личность, не память о событиях в жизни личности (так в некоторых снах я ничего не помню о собственном бодрствовании, зато с той же степенью уверенности помню массу других событий, не имевших места наяву, но при этом помнящий-непомнящий персонаж, несомненно, именно я).

Можно еще очень много говорить на эту тему, но лучше сразу заключить: значение имеют только ясность сознания и осознанность каждого поступка. А что становится для нас ключом к прояснению и осознанию – сливовый табак, капуста, телефонный звонок, молитва, запах, какой-нибудь привычный ритуал, тесное кольцо на пальце, заклинание, дружеская рука на плече, приступ боли, с детства знакомое стихотворение, выстрел, необходимость управлять автомобилем, ведро воды на голову, птичий крик – совершенно неважно. Лишь бы были такие ключи.

И вопрос от меня:

Скажи, пожалуйста, по-твоему, раз писательство и сновидения – настолько близкие процессы, насколько близки те «личности», которыми человек пишет и видит сны? Лично для тебя. Насколько похожи твои писатель и сновидец друг на друга – и насколько они похожи при этом на тебя в целом?

М.Ф.:Мне кажется, что меня-сновидцев очень много. Целая толпа разных личностей. Личность – это же просто способ, которым проявляется наружу суть, а я (то «я», которое и есть суть или что-то вроде) нуждаюсь в разнообразии, как огонь в кислороде. Чтобы гореть!

(Наяву у меня все-таки более-менее одна личность, постоянно изменяющаяся, но вполне линейно и последовательно. Это и понятно: так называемая реальность гораздо менее пластична, чем сны, что с нее, материальной, взять.)

Скажу больше, мне не раз снились сны, в которых мне приходилось быть сразу двумя личностями одновременно. Несколько раз – палачом и его жертвой, видимо, чтобы мало не показалось. И чтобы сразу дошло, как мало отношения имеют все эти маски к сути, к огненной точке в темноте, которая и есть что-то вроде «я».

И пишет, конечно же, именно эта точка. А личности бродят вокруг и мешают, как малые дети. Чем меньше они орут, тем лучше идет работа. Думаю, если однажды они совсем умолкнут, можно будет написать то самое слово, которое – сама жизнь.

Но пока работаем с тем, что есть.

Чашка третья

«Книга для таких, как я»

Начиная с названия, это, конечно же, мистификация, причем многоуровневая, как в «Мешке с костями» Стивена Кинга. Зная этого автора, берешь книгу с таким названием и ожидаешь именно что мешка с костями, буквального, а потом на десятой странице тебя поджидает цитата: «В сравнении с самым тупоумным человеком, который действительно шагал по земле и отбрасывал на нее свою тень, – вроде бы сказал Харди, – любой персонаж романа, пусть и идеально выписанный, – мешок с костями».

(Вы это запомните, пожалуйста, насчет любого персонажа, выписанного автором, мы к этому еще вернемся.)

Хм, думаешь ты, кажется, мешок с костями будет не буквален… И живешь в литературном мире, персонажном, книжном, вместе с Майклом, мешком с костями, плодящем такие же мешки.

После чего Кинг, уже ближе к концу книги, вынимает-таки этот мешок с костями, настоящий мешок с неупокоенными костями, как кролика из шляпы. И

ты понимаешь, что тебя водили за нос всю книгу.

Так в чем, собственно, мистификация «Книги для таких, как я»?

Прежде всего – в том, что выдуманный когда-то автор-персонаж работает в этой книге читателем. Читателем запойным, ищущим, проживающим множество книг как множество жизней.

Он читал все то же (или почти все то же), что и мы, язык его чтения – русский, следовательно, либо русская проза, либо переводы. Он вырос на тех же сказках в тех же изданиях, на которых выросли мы.

То есть, по сути, «такие, как я» – это все. Любой читатель, взявший в руки этот сборник эссе о читателях, авторах, книгах и литературе вообще, написанный одним из самых страстных читателей на свете. Написанный почти на бегу, урывками, по случаю. Я лично очень легко могу себе представить эти статьи как записи на автоответчике из «Энциклопедии мифов». Надиктовал и дальше помчался.

А теперь минуту внимания. Речь идет о выдуманном персонаже. Выдуманном авторе. Который адресует книгу таким, как он. И много в этом мире наберется таких, как он?

То есть книга, обращенная ко всем, не может быть отдана никому, если точно следовать инструкции. Нет больше таких, как он, выдуманный писатель Персуорден покончил с собой в третьей книге «Александрийского Квартета», хотя вот он бы, мне кажется, оценил красоту этой ленты Мебиуса.

У этой ленты есть еще один виток. Я почти уверен, что автор и создатель сэра Макса либо не знает об этом витке сам, либо прочно о нем забыл.

Еще одна цитата, из «Лекций по русской литературе» Набокова.

Идеальный читатель.

«Он не принадлежит ни к одной определенной нации или классу. Ни один общественный надзиратель или клуб библиофилов не может распоряжаться его душой. Его литературные вкусы не продиктованы теми юношескими чувствами, которые заставляют рядового читателя отождествлять себя с тем или иным персонажем и «пропускать описания». Чуткий, заслуживающий восхищения читатель отождествляет себя не с девушкой или юношей в книге, а с тем, кто задумал и сочинил ее. <…> Ему нравится книга не потому, что она помогает ему обрести «связь с обществом» <…>, а потому, что он впитывает и воспринимает каждую деталь текста, восхищается тем, чем хотел поразить его автор, сияет от изумительных образов, созданных сочинителем, магом, кудесником, художником. Воистину лучший герой, которого создает великий художник – это его читатель».

А раз так, то мы и есть эти самые персонажи, все, кто страстно и запойно читает книги, потому что если каждая очень хорошая книга, гремя своими мешками с костями, в итоге создает хотя бы одного «лучшего героя» книги, читателя этой самой книги, то «для таких, как я» – это как раз для нас.

«Нам-то еще ничего, жить можно. Вот те, которые не придуманные… Тыщу лет на складу пылятся…» – говорит Додо в спектакле по «Алисе в Стране чудес», два виниловых диска моего детства, не слышал их уже лет двадцать, помню каждую интонацию.

Это про нас. Для нас. И ради нас. Уже придуманных.

Знаете, я недавно, пытаясь рассказать о том, что такое человек и зачем он вообще именно такой, какой есть, сказал: «Есть нравственный закон внутри нас и звездная бездна над нами, казалось бы, что в них общего. У них есть связь. Зависимости нет. А связь – есть. И связь эта – человек».

Человек – это такое удивительное промежуточное звено, которому для получения смысла жизни необходимо заглядывать в бездну, которой, в свою очередь, чтобы обрести смысл, нужно иметь наблюдателя, – впитывающего, воспринимающего, восхищенного, сияющего, выдуманного этой бездной и выдумавшего ее самое.

А автору я задал только один вопрос, но очень важный.

Скажи, что для тебя есть идеальный читатель?

М.Ф.:Правда, по моему опыту, всегда сумма разных утверждений, иногда противоречивых. Хотя лично мне хотелось бы, чтобы было как-нибудь попроще.

Поэтому вот тебе краткий перечень ответов на твой вопрос:

– Идеального читателя, конечно же, не существует, хотя бы уже потому, что реальность, в рамках которой мы все сейчас живем (и, в частности, происходит этот разговор), совершенно не приспособлена для чего-либо идеального. И с чего бы читателю быть исключением.

– Идеальный читатель – это просто читатель, который умеет читать. Я сейчас не о какой-то выдающейся способности хитроумно проникать в потаенные глубины авторского замысла, а о простом умении складывать из букв слова. Сложил из «ж», «о», «п», «а» слово «жопа», а не, к примеру, «вечность» – вот и молодец. Прочитал, что написано!

– Идеальный читатель – это, конечно же, тот читатель, чья жизнь изменилась от прочитанного. Неважно, как именно, неважно, до какой степени. Если читатель прочитал про яблочный пирог и пошел его печь, это тоже годится. Просто в такие моменты (то есть, когда под влиянием текста совершаются поступки) строятся мосты между несбывшимся и сбывшимся. А иногда даже между невозможным и произошедшим, всякое бывает.

А литература (по крайней мере, та ее часть, которая интересует меня) – для этого.

– Когда речь заходит о читателях, я всегда первым делом вспоминаю драму «Враги» Яромира Хладика. Ну, то есть, строго говоря, не саму драму, а рассказ Борхеса «Тайное чудо», персонаж которого, приговоренный к расстрелу, сокрушается, что не дописал еще два акта драмы «Враги», просит у Бога год, чтобы закончить работу, и получает его. Расстрел при этом не откладывают, просто последняя секунда жизни в восприятии Хладика растягивается на год, и автор волен сколько угодно дописывать, переделывать и править свой текст. «Он трудился не для потомства, даже не для Бога, чьи литературные вкусы были ему неведомы. Неподвижный, затаившийся, он прилежно строил свой незримый совершенный лабиринт», – пишет Борхес.

Так вот, мой идеальный читатель – тот, кто понимает, зачем Яромир Хладик дописывал и доводил до совершенства эту свою чертову пьесу.

– Еще мой идеальный читатель – тот Бог (та версия Бога), к которому можно обратиться с такой вот дурацкой просьбой и получить согласие.

– Борхес, кстати, тоже мой идеальный читатель. И не только потому, что умер задолго до того, как мне пришло в голову что-то написать. Хотя это, безусловно, прибавляет ему очков.

– Но гораздо важнее, что я его люблю. Мой идеальный читатель – каждый, кого я люблю. Не обязательно всю жизнь, можно всего пять секунд. Любовь всяко вне времени и измеряется точно не им.

– …У моего идеального читателя карие глаза, коротко стриженные темно-русые волосы с проблесками ранней седины, рост 178 см., вес 71 кг. Ему тридцать четыре года и восемь месяцев. Он живет в Мичигане.

Ясно, что это описание может быть заменено любым другим без какого-либо ущерба для смысла сказанного.

– Потому что идеального читателя, как уже было сказано, не существует.

– Но это совершенно не мешает ему быть.

Чашка четвертая

«Власть несбывшегося»

О магии и телесности

Прежде всего, обе книги под этим заголовком – «Возвращение Угурбадо» и «Гугландские топи» – о смерти. Вернее, даже не так: об умирании. Смерть как таковая – не самая худшая штука, а вот умирание как процесс не обрадует никого. Особенно от таких вещей, которые приходят в этих книгах в виде смерти.

Герои этих книг теряют тело. И те, кто попал под действие эпидемии, и Теххи, и даже теплая компания вампиров, засевшая на задворках каторжной тюрьмы: совершенно понятно, что их тело – скорее видимость, чем настоящая плоть, они действуют сознанием куда более внятно, чем физикой.

(При этом колдун Угурбадо расселяется на два тела разом – и всякое его умирание служит ему на пользу, а не во вред, и только от мертвецов он может принять исключительно смерть, а не силу.)

В этих двух книгах не просто много смертей. В них человек вольно или невольно вынужден так или иначе наблюдать собственное умирание – все, вплоть до коменданта Нунды и самого Макса, который вполне вознамерился остаться в том самом болоте, в которое завел коменданта.

Эти книги полны телесности. Страха утраты этой самой телесности – какой бы она ни была, – и медленного, слишком медленного сбывания этого страха.

И вот что мне любопытно. Как связаны телесность и магия?

Ведь насколько по-разному колдуют все маги в Ехо – в зависимости от того, насколько явна их телесность. Джуффин, который, скорее всего, давно уже не имеет человеческого облика, колдует, как свистит. Он смеется, он дурачится, он получает огромное удовольствие. Иногда настолько явное, что за ним теряет суть того, что происходит, слишком увлекаясь процессом.

Кофа – самое плотское существо из всей компании, – колдует обыденностью. Простые волшебные вещи – это о нем. Он курит трубку, он проводит руками по лицу, он появляется в нужном месте в нужное время, информация – очень большая часть его магии.

Магия Лонли-Локли в огромной степени опирается на то пространство, которое он занимает. Именно колдовать ему приходится не так уж часто – как правило, достаточно присутствовать. Он колдует как дышит в буквальном смысле этого слова.

И только Максу необходимо передвигаться, причем очень часто – на очень значительные расстояния. Самое серьезное его колдовство совершается им на ходу, особенно когда ему необходимо кого-то вывести, недаром он едва не гибнет, когда по глупости берется кого-то не вывести, а завести, то есть делает жест, абсолютно противный его природе.

Макс колдует ногами.

Пожалуй, цикл Ехо – самая разнообразная в смысле магии книжка. Один волшебник здесь так же не похож на другого, как не похожи между собой художники разных школ.

В мире Гарри Поттера, к примеру, волшебство более-менее универсально, оно гораздо больше похоже на вождение автомобиля, чем на живопись.

В мире волшебника Земноморья – тоже очень мало что зависит от личной склонности мага, выпускники острова Рок точно так же «сертифицированы», как и выпускники Хогвартса.

Мне всегда представлялось, что настоящий, действительно сильный маг вовсе не пользуется словами, снадобьями или, упаси Боже, волшебной палочкой. Что он действует всем телом разом, всем собой, внося в пространство сбой или поправку, называйте как хотите – которая расходится от него кругами во все стороны разом, все шире и шире, меняя мир навсегда.

Что это всегда усилие, причем не менее физическое, чем на более тонких уровнях.

Что магия идет от него, как звук, как свет, как музыка. Как невидимая взрывная волна. Что если и есть жест в этом движении, то это жест-фиксация.

Если бы я мог колдовать, самые сложные штуки я делал бы, покрепче обхватив себя руками и привстав на цыпочки.

Вопросов по книге всего два, потому что это очень большие вопросы.

Вопрос читателя: «Расплата», ожидающая Макса за переселение в наш мир членов Ордена Долгого Пути, – она уже наступила, еще наступит или вообще давно в прошлом (до событий этой книги, почему бы нет)?

М.Ф.:С таким же успехом можно спросить, какой будет расплата ветра за то, что он хлопнул чьей-то форточкой и разбил стекло (ну или просто страшно выл в печных трубах, доведя до предынфарктного состояния дюжину нервных старушек). Правильный ответ: да не будет никакой расплаты. Хотя стекло стоит денег, а у старушек были другие планы на выходные.

На этом можно было бы и закончить. Дескать, ветер – это ветер, дуть – его природа, а если у нас с ним проблемы, то сами дураки. И с Максом то же самое,

такой уж он у нас сэр.

Но это, конечно, будет только небольшая часть правды. А часть правды говорят, когда хотят сбить с толку. Я – не хочу.

Вся правда состоит в том, что расплаты (в смысле наказания в той или иной форме) вообще не бывает. Ни для кого. Это ложная концепция. Мне кажется, она возникла и оказалась столь устойчивой потому, что дрессировать детей и животных проще всего именно в рамках системы «наказание – поощрение». Люди уже много веков используют этот нехитрый метод и думают, будто Бог (судьба, мироздание, собственное бессознательное и т. п.) тоже обращается с ними как с детьми и животными. А это, конечно, не так. Никто нас не дрессирует. Мы тут не в стойле, а в большой игре.

С тех пор как представители так называемой западной культуры, к которой мы все принадлежим, стали интересоваться культурой восточной, в нашем словаре появилось слово «карма», которая представляется западному сознанию аналогом наказания за грехи и поощрения за не-грехи. Поскольку массовый интерес никогда не бывает глубоким, вся многотысячелетняя философия быстренько ужалась до интернетовской шутки «плюсик в карму», которая дурна не потому, что глупа, а потому, что лишает понятие «карма» смысла. Карма – это просто причинно-следственная связь, извините, капитан Очевидность вышел покурить, я пока за него.

Вместо наказаний и поощрений существуют причины и следствия. Это действительно вполне очевидно и обычно не вызывает возражений у человеческого ума. Возражения у него вызывает тот факт, что логика, действующая в поле этих причин и следствий, нам неизвестна. И не потому что страшная тайна, просто в человеческий ум эта логика не помещается. Непостижимая она, такие дела.

И непостижимая логика эта работает, причем только она и работает, нравится нам это или нет.

Все, что можно сделать в такой интеллектуально невыносимой ситуации – внимательно следить хотя бы за одной человеческой судьбой – своей. И

стараться не интерпретировать ее в рамках системы «наказание – поощрение», а пробовать нащупать внутреннюю логику этой конкретной игры. Очень трудно, я понимаю. Но интересно же. Я вообще не знаю, что может быть интереснее, потому что, узнавая подлинное устройство и законы функционирования микрокосмоса (себя), мы одновременно получаем информацию о макрокосмосе. То есть об устройстве Ваще Всего.

Я могу подсказать один ключ к этой головоломке, простой, но хороший: жизнь сознания – это непрерывное накопление опыта. Ясно, что любой наш поступок приносит нам дополнительный новый опыт. А любой новый опыт – это вклад в формирование как сознания, так и личности, в которую оно упаковано. Мы непрерывно меняемся вследствие собственных поступков, вот в чем штука. И эти внутренние перемены влекут за собой перемены внешние, потому что внешний мир любого человека – это зеркало (капитан Очевидность докурил, вернулся и взялся диктовать).

Иными словами, если в разгар лета облиться с головы до ног сахарным сиропом, нас немедленно облепят пчелы и другие любители сладкого. Это будет не «расплата», а просто вполне предсказуемое и естественное следствие нашего поведения.

Если при этом наш предыдущий жизненный опыт приучил нас бояться насекомых и не приучил сдерживать свой страх, мы начнем визжать и дергаться. И нас тут же искусают, причем, опять же, не в наказание за грех рукомахания, а следуя своим естественным природным реакциям.

А если у нас есть опыт обращения с насекомыми и опыт, содействовавший формированию механизмов самоконтроля, мы будем стоять ровно, дышать спокойно, и нас не искусают. Это, конечно, будет не «награда», а естественное следствие нашего поведения, причем не просто так внезапно проявившегося, а заранее сформированного опытом всей нашей предыдущей жизни.

Вот так в первом приближении выглядит действие так называемой кармы. Мне кажется, теперь наконец довольно наглядно получилось.

Что же касается отдельно взятого Макса и вампиров, логика его персональной судьбы, как я понимаю, такова, что в мае 1995 года он оказался в Берлине, куда

прибыл, по его собственным словам, чтобы навестить неких старых знакомых. Кто такие эти знакомые, догадаться несложно. Особенно зная Макса, который, конечно, тот еще балбес, но с обостренным чувством опекунства. Конечно, рано или поздно он должен был начать беспокоиться, как они там устроились.

А о том, что произошло с Максом в Берлине в мае 1995 года (ну или просто примерещилось ему в ходе того путешествия в Берлин), рассказывается совсем в другой книжке. Угадайте, в какой.

Но повторяю, это не «расплата». Это просто следствие, причем не одного-единственного поступка, а целого множества поступков и некоторых личных качеств, эти поступки определивших.

Вопрос читателя: Были ли в Орденах какие-то принципиальные различия по направлению магии? Скажем, Орден Ледяной руки явно ориентирован на превращение собственного тела в артефакт и действие с помощью этого артефакта. Исходя из рассказов Лонли-Локли, его Орден был ориентирован на накоплении силы внутри себя. Орден Часов попятного времени описан как копящий силу прежде всего на восприятии.

Или все зависит исключительно от того, как действовал первый Великий Магистр?

М.Ф.:Ответ на этот вопрос невозможен без оговорок: «Насколько я знаю», «если я правильно понимаю», «на основании разрозненных сведений» и т. п. Потому что я пока действительно не так уж много знаю как об Эпохе Орденов, так и функционировании каждого Ордена в частности.

И то немногое, что я знаю, свидетельствует о том, что направление развития каждого Ордена действительно целиком и полностью зависит от его Великого Магистра, причем не только от первого, но от любого текущего (по мере их смены). Потому что Великий Магистр – что-то вроде дирижера.

Мне как раз недавно пришла охота послушать вторую Венгерскую Рапсодию Листа, под рукой диска не было, пришлось слушать онлайн. А там, в онлайне,

несколько разных оркестров с несколькими разными дирижерами. Некоторые версии, как оказалось, вообще слушать невозможно. Некоторые – хорошо, но непривычно. Потом, с шестой, что ли, попытки, нашелся тот вариант, который мне знаком и поэтому кажется «лучшим», а остальные пошли лесом. Хотя везде одна и та же вторая Венгерская Рапсодия – казалось бы, какая разница. Так вот, разница огромная.

Вторая Венгерская Рапсодия – это у нас, предположим, Очевидная магия. Оркестр – действующие адепты Ордена, Великий Магистр – дирижер. То есть главный интерпретатор. Как он пожелает (точнее, как он сможет), так и будет. Какие музыканты с его точки зрения не тянут, будут изгнаны, новых наберут в соответствии с дирижерскими требованиями. И в результате сколько дирижеров, столько прочтений.

И, кстати, мне кажется, что именно поэтому все так паршиво получилось с Орденами. В смысле, самые толковые Великие Магистры свои Ордена распустили, остальных перебили (в лучшем случае, просто разогнали), а победивший вроде бы всех на свете Орден Семилистника, судя по отзывам сведущих лиц, время от времени мелькающих в разных книгах, здорово снизил качество магической подготовки рядовых участников и на долгое время стал просто дополнительной властной институцией – я имею в виду его мужскую часть, о девочках, которыми дирижирует Сотофа, отдельный разговор.

Так вот, штука в том, что ни один человек не уведет других людей дальше своего человеческого предела. И если для оркестра это не беда, то для магического Ордена – тупик. Вопрос только в том, насколько быстро все в этом тупике окажутся. Если Великий Магистр крут, несколько тысячелетий интересной жизни его окружению обеспечено. Но тупик все равно неизбежен. Потому что смысл магии, строго говоря, в том и состоит, чтобы перешагнуть человеческий предел и идти дальше.

Иными словами, в идеале во главе магического Ордена должна быть сама магия. Ну или человек, давно и прочно вышедший за свои человеческие пределы. Именно поэтому женщинам Семилистника с Сотофой очень повезло, но это – редчайший, уникальный случай.

Чашка пятая

«Жалобная книга»

О трикстерах

Трикстер – «ум без чувства ответственности», антигерой, ловкач, нарушитель установленных законов, джокер.

Некто, для кого процесс игры важнее, чем сама игра, ее ставки и результат.

Самый известный, пожалуй – Локи, породитель конца света, лживый бог, предатель. Основная палка в колесах деяний асов.

Знаете, что есть «Жалобная книга», о которой сам автор говорит, что это «единственная его книга, которую он хотел бы отменить»?

Если не она сама – трикстер среди других книг Фрая, то она, по крайней мере – поиск трикстера. Она ищет его на протяжении всего текста, шарит, как лучом прожектора, перескакивает с персонажа на персонаж, и, что самое интересное, Макса за находку не считает.

А ведь кто есть сэр Макс из Ехо? Джокер, конечно же. Вырванный Джуффином и компанией из очень широкого рукава – вероятности? всего-на-свете-возможности? – осуществленная выдумка.

Во всяком случае, везде он выступает в этой роли. И в большинстве книг его основная миссия – спасти мир вообще или небольшой его участок в частности.

А в «Жалобной книге» трикстер не он. В «Жалобной книге» он как раз – более чем лирический герой, со всеми плюсами и минусами этого амплуа. И что ему совсем несвойственно, в этой книге он живет в одном и том же чувстве постоянно, причем таком сильном, что необходимо пожирать чужие чувства-судьбы, чтобы заглушить это единственное, доминирующее: панику. Всю книгу он паникует (хотя и держится молодцом).

Самое точное описание трикстера, которое я когда-либо видел, звучит вот так:

«Заратустра танцор, Заратустра легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, блаженно-легко-готовый».

И в него превращается Юра-Чингизид.

Причем превращается после того, как отправляется на подвиг во имя всеобщего дела накхов, потягаться с неизвестной ведьмой. То есть встает на классическую позицию героя.

Возвращается он из этого похода в совершенно другом состоянии, он весел, взъерошен, напряжен и расслаблен одновременно, «блаженно-легко-готовый». И то, что он делает, скорее не спасает мир накхов, а подрывает его к чертовой матери, но одновременно – дает выход, то есть все-таки спасение.

В мирах Стругацких есть персонаж, которого я вспоминаю, когда «не идет». Все, что угодно, от текста до настроения. Это Вечеровский. Стильный, язвительный, нарушающий все мыслимые правила кофеман и пижон, для которого ответом на любые неурядицы служит слово «работа», благо таким, как он, для этого нужны только карандаш и лист бумаги.

Абсолютно бесстрашный, веселый, взъерошенный, напряженный и расслабленный одновременно, блаженно-легко-готовый.

Дело в том, что он – тоже трикстер, хотя вряд ли Стругацкие имели в виду именно это. Причем в абсолютно классическом смысле, потому что чем он, собственно, занят: он противостоит отмене конца света, потому что ему, видите ли, не нравится то, как этот конец света отменяют.

То есть по сути Вечеровский гробит мир – в пределе. При этом – противостоит трусости, насилию, панике, да чему только не противостоит. Я как читатель всегда, с самого первого раза, был и остаюсь на его стороне.

То, что на позиции трикстера стоит такой несомненный герой и спаситель мира как Шерлок Холмс, причем в последние годы – особенно на этой позиции, ведь

первое, что звучит в его адрес в новейшей экранизации – фрик, – уже даже не удивляет.

Но вот до Холмса я, пожалуй, не могу вспомнить настолько очевидного одновременно «против всех обычаев» и «спаситель и герой».

И даже он, как я читал, на свое время как раз должен был хорошо вписаться в общую картину, потому что это общая картина была «джентльмен-любитель знает и умеет в рамках своего всего лишь увлечения гораздо больше, чем профессионал, которому за это платит государство».

И, кстати, это всегда одиночки. Я хочу сказать, что спасают они не людей, а именно ситуацию, мир. Вечеровский принимает работы, но до душ его коллег и до того, пойдут ли они вместе с ним, ему дела нет. Накх Чингизид взламывает систему, замыкает пространственно-временной парадокс, но уходит один. Холмс – ну, Холмс вообще регулярно заявляет, что его увлечение – просто альтернатива кокаину.

Их эгоизм настолько абсолютен, что становится антиэгоизмом в пределе, в рамках мира, а не каждого отдельного человека.

(И всем троим идеально соответствует Принц Хаоса, Рыцарь Мечей в колоде Таро, если уж на то пошло).

Это совершенно новое в литературе поколение трикстеров, появившееся сравнительно недавно: одиночка, эгоист, мизантроп, чрезвычайно деятельный, очень профессиональный персонаж, который идет вразрез со всеми правилами и традициями, но вскрывая систему изнутри, отменяет конец света, хотя иногда ставит себе цель совершенно противоположную.

При этом, замечу, трикстеры эти живучи настолько, что даже убивший их автор не в состоянии не воскресить своего персонажа. Вечеровского не убрать даже прямым попаданием метеорита.

Процесс игры для них важнее, чем ставки или результат.

И знаете, я как-то им очень верю.

Холмсу, Вечеровскому, накху Юре.

Если конец света и можно чем-то отменить, не в панике, а по-настоящему, то это самой игрой, а не сорванным кушем. Белой рубашкой, чашкой кофе, прямой спиной, работой в любых условиях.

Ну и вопросы.

Вопрос читателя: В околоцигунских кругах я встречал людей, умеющих влезать в чужую шкуру. Правда, с целью лечения, а не для проживания чужой жизни. Книги Фрая эти товарищи всегда воспринимают как суровый реализм. И вообще не понимают, почему на полках они стоят в разделе фантастики.

Возможно ли научиться некоторым техникам накхов или все-таки это некий природный дар?

Макс где-то в середине книги рассказывает о том, что все бытовые проблемы идут у него под грифом «неважное». Именно поэтому деньги как бы сами собой зарабатываются, в его городе почти не бывает пробок, если надо срочно решить какой-то вопрос, нужные люди сразу же попадаются на пути. У меня у самого иногда так получается. Но чаще все-таки увязаю в бытовухе. Меня часто выбивает из состояния игры в состояние серьезной, трудной взрослой жизни. Как научиться задерживаться в игре дольше? Или вообще остаться в этом состоянии навсегда?

М.Ф.:Мне кажется, влезать в чужую шкуру могут довольно многие. В разной степени, конечно. Большинство – эпизодически и, скажем так, не по собственному желанию, а когда «само» накатит. На некоторых «само» не накатит никогда. Но это – вопрос желания, намерения и практики (как вообще все).

Насчет сурового реализма товарищи правы, конечно. Вообще, хорошо, что на свете есть «околоцигунские» и прочие граждане, чей опыт восприятия хоть немного выходит за рамки так называемого обыденного. От этого ощущение, что постоянно разговариваешь с ямкой, которую сам же перед этим и вырыл с целью сообщить ей очередной медицинский факт об ослиных ушах царя Мидаса, сменяется пониманием, что ты на самом деле сидишь на подоконнике распахнутого окна и разговариваешь с людьми, идущими по улице. Это большая радость – полноценный диалог.

А вопрос, как научиться задерживаться в игре дольше – это вопрос всей жизни. Я имею в виду, мы все этот вопрос так или иначе всю жизнь решаем (ну или не решаем и живем очень плохо, скучно и трудно), потому что умение не поддаваться сокрушительной заземляющей силе материального мира – это же не разовый фокус, а процесс, который должен идти всегда. Остановился – ушел на дно, выныривай и начинай все сначала.

Штука в том, что книжному Максу противостоять этой заземляющей силе довольно легко. И не потому, что он книжный персонаж, а потому, что его жизнь действительно наполнена вещами гораздо более важными, чем всякая «трудная взрослая жизнь». Не всем настолько везет – чтобы вот так сразу обрести свои прекрасные сверхценности, на фоне которых меркнет все остальное. Но «не везет» – это вовсе не означает «ничего не получится». Просто на первом этапе будет гораздо трудней. И в такой ситуации очень здорово иметь возможность обратиться за практическим советом к тем же «околоцигунским товарищам», например. Даже простейшие дыхательные практики делают с нами (людьми) такие чудеса, что пару лет спустя сами себя не узнаем. При том, что через пару лет – это по-прежнему будет только самое начало пути. Потрясающая перспектива.

Вопрос читателя: Как сейчас автор думает-видит-чувствует: «слизнуть судьбу» – действительно значит лишить кого-то шанса на бессмертие?

М.Ф.:Хороший вопрос.

Автор сейчас думает, что «Жалобная книга» – единственная его книга, которую он хотел бы отменить. Чтобы она исчезла отовсюду, включая читательские головы – и все.

Потому что эта книжка – неправда. То есть даже хуже – полуправда. Местами настолько достоверная, что вместе с этой достоверностью как по маслу идет и полная чушь – вот про это пожирание людей целиком, вместе с бессмертной душой, в частности. Штука-то в том, что способность «читать» других людей, «слизывать их судьбы» есть у многих; не в таком объеме и не с такой четкостью воспроизведения, как у книжных накхов, но все-таки это довольно распространенное умение. И одновременно вот это состояние полубесчувственности, отстраненности от собственной жизни – оно тоже очень многим знакомо. И у большинства читателей происходит мгновенное, полное узнавание по одному из этих пунктов, а то и по обоим сразу: точно! Правда! Все так и есть!

А оно не «точно» и не «правда». Наше узнавание обоих описанных состояний вовсе не означает, будто одно проистекает из другого. Эти штуки вообще не взаимосвязаны. Никак!

Не то чтобы автор сел на табурет, напряг гениальный мозг и всю эту пугающую хрень зачем-то выдумал, а теперь жалеет, что не выдумал чего-нибудь поинтереснее. Напротив, автор ничего не выдумывал, а радостно записывал все, что с условного неба на него валилось. В итоге автор написал книжку и был ею очень доволен, а какое-то время спустя внезапно пришел в себя, как после тяжелой болезни, отягощенной бредом и галлюцинациями. Просто болезнь эта протекала в пространстве текста, и бред с галлюцинациями (точнее сказать, морок) тоже касались только текста.

С тех пор автор с недоумением смотрит на эту страницу своей биографии и периодически спрашивает себя голосом дебильного мальчика из анекдота: «Мама, фто это было?»

Мама молчит. Не знает.

Пока мне более-менее очевидно только одно: эта книжка стала чем-то вроде выкупа из московского плена. В том смысле, что закончив ее, удалось наконец уехать из Москвы, где мы прожили 11 лет, и стоило только начать смотреть куда-нибудь в сторону с целью навострить лыжи, как обстоятельства тут же складывались таким образом, что уехать не удавалось. Как только вышла «Жалобная книга», так сразу все и сложилось. Мгновенно. И очень легко.

Зачем все это нужно было городу Москве – отдельный вопрос. Ответа на него у меня пока нет. Может быть, ей просто понравилось, как о ней написали в «Энциклопедии мифов», и она хотела продолжения банкета?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Примечание МФ: «Чашка Фрая» появилась у нас благодаря подсказке читательницы Марины Поляковой, спасибо ей за эту идею.

Купить: https://tellnovel.com/maks-fray/vse-o-mire-eho-i-nemnogo-bol-she-chashka-fraya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити